

Ненависть – тлетворная или благородная? Управление эмоциями в армиях США и СССР в годы Второй мировой войны¹

БРЭНДОН
ШЕХТЕР

Любящие Господа, ненавидьте зло!
Пс. 96, 10

Ненависть к фашистским извергам
мы считаем священной.

Михаил Калинин (1945)

В ходе наиболее масштабной военной мобилизации за всю мировую историю две крупнейшие союзные армии – американская и советская – призывали в свои ряды специалистов, которым предстояло разъяснять военнослужащим смысл войны и отвечать на мучившие их экзистенциальные вопросы. В Соединенных Штатах такими специалистами оказались капелланы – представители духовенства, добровольно отправившиеся служить государству. Они предлагали духовное попечение как солдатам-единоверцам, так и представителям других вероисповеданий. В советских вооруженных силах за информирование военнослужащих о государственной повестке, отслеживание состояния их духа и обеспечение эмоциональной поддержки отвечали коммунистическая партия и комсомол, которые в мирное время были органично встроены во все основные государственные структуры².



Брэндон Шехтер
(р. 1982) – историк,
сотрудник фонда «Архив
семьи Блаватник» (США).

- 1 Автор благодарит Чарльза Шоу, Маргарет Борозан, Миляушу Закирову, а также участников вашингтонского семинара по российской истории – в особенности Диану Думитру, Полу Чан, Эрика Лора и Стивена Ригга – за комментарии к этой статье. Кроме того, я признателен Олегу Бэйдэ за предложение подготовить этот текст, а Софии Веретенниковой за его перевод на русский. Статья написана специально для «НЗ».
- 2 Настоящий текст – часть большого проекта, сравнивающего капелланов армии США с политработниками Красной армии, с рабочим названием «Борьба за спасение в годы Второй мировой войны» («The Struggle for Salvation in the Second World War»). Историография, посвященная деятельности капелланов и бытованию религиозности в вооруженных силах США в тот период, весьма богата – и продолжает расширяться. Недавние образчики включают следующие работы: STANL R. *Enlisting Faith: How the Military Chaplaincy Shaped Religion and State in Modern America*. Cambridge: Harvard University Press, 2017; SNAPE M. *God and Uncle Sam: Religion and America's Armed Forces in World War II*. Rochester: Boydell, 2015; PIENLER K. *A Religious History of the American GI in World War II*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2021; SUTTON M. *Double Crossed: The Missionaries Who Spied for the United States during the Second World War*. New York: Basic Books, 2019. То измерение большевистского проекта, которое условно можно назвать «теологическим», а также перво-степенность партийной работы в рядах Красной армии тоже исследуются довольно широко. Среди прочих см. следующие публикации: BERKHOFF K. *Motherland in Danger: Soviet Propaganda During World War II*.



В рядах вооруженных сил США состояли тогда около 16 миллионов солдат и офицеров, бок о бок с которыми служили почти девять тысяч капелланов. Красная армия мобилизовала около 34,5 миллиона человек, членами партии среди которых были от полумиллиона в начале войны до трех миллионов в конце. Эти подсчеты не учитывают многих членов партии, погибших в военные годы³. Наименования политработников и их компетенции в течение войны менялись. В ходе формирования Красной армии в 1918 году и потом в кризисных ситуациях 1937-го и 1941 годов им давали больше власти. По мере того, как уверенность в преданности солдат крепла, политработники теряли значительную долю своих полномочий, а основное бремя политической работы в войсках переходило от политработников к партийным и комсомольским организациям; состоявшие в них военнослужащие занимались ею помимо своих непосредственных воинских обязанностей⁴. Несмотря на эти существенные изменения, сами задачи политработы оставались неизменными.

Оба идеологических института, американский и советский, обретали разные формы и обладали различными прерогативами. Капелланам было запрещено носить оружие; считалось, что они одновременно служат как правительству США, так и своей вере. Среди них были католики, протестанты и иудеи, деятельность которых одобрялась их деноминациями. Политработники

Cambridge: Harvard University Press, 2012; HAGEN M. VON. *Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930*. Ithaca: Cornell University Press, 1990; HALFIN I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge: Harvard University Press, 2003; HELLBECK J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge: Harvard University Press, 2006 [Хелльбек Й. *Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи*. М.: Новое литературное обозрение, 2020]; ИДЕМ. *Stalingrad: The City that Defeated the Third Reich*. New York: Public Affairs, 2015; REESE R. *Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II*. Lawrence: University of Kansas Press, 2011; SLEZKINE Y. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2017 [Слезкин Ю. *Дом правительства. Сага о русской революции*. М.: АСТ; Corpus, 2020]; WEINER A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001. Существует также том сравнительных исследований, освещающих деятельность капелланов и комиссаров различных радикальных движений в разные эпохи: HERSPRING D. *Soldiers, Commissars, and Chaplains: Civil-Military Relations Since Cromwell*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2001.

3 Рошин И., Марчук А. *Парторги военной поры*. М.: Политиздат, 1979. С. 20; HONEYWELL R. *Chaplains of the United States Army*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1958. P. 214, 217.

4 См.: Из положения о военных комиссарах и комиссариатах, принятого I Всероссийским съездом военных комиссаров. 7–11 июня 1918 г. // Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922. Сборник документов и материалов: В 3 т. М.: Советская Россия, 1960. Т. 1 («Май 1918 – март 1919»). С. 130–132; Директива Наркома обороны СССР и Зам. Наркома обороны – начальника ГлавПУ РККА Военным советам фронтов, армий, округов, начальникам политорганов, военным комиссарам дивизий и полков о задачах военных комиссаров и политработников в Красной армии № 090, 20 июля 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 17–6 (1–2) («Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. Документы и материалы»). С. 48–49; Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной армии. 9 октября 1942 г. // Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 г. – 1945 г.). Документы и материалы. М.: Политиздат, 1970. С. 85–86; Выступление тов. Щербакова на заседании Совета Военно-политической пропаганда при ГлавПУ РККА 1 сентября 1943 г. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 88. Оп. 1. Д. 973. Л. 1–9; Памятка парторгу. Л.: Воениздат, 1944.

же обслуживали единственную инстанцию в лице партии-государства и были такими же военнослужащими, как и все остальные; многие из них получили партийные или комсомольские билеты по результатам участия в боевых действиях. В итоге мы имеем дело с очень разными институциями, порожденными сильно отличавшимися друг от друга обществами, которым тем не менее приходилось решать похожие задачи.

Во многих отношениях в основе всей этой истории лежат эмоции. Джоанна Бурк пишет:

«Эмоции выполняют функцию медиатора между индивидуальным и социальным. Они напрямую связаны с властными отношениями. Эмоции лежат в основе установления границ между “я” и “другим” или между “своим” сообществом и “чужим” сообществом. Они вписывают индивидов в ряды коллективов»⁵.

Капелланам и политработникам вменялось управлять эмоциями солдат и моряков, стимулируя при этом чувства, необходимые для победы в войне. Работа с эмоциями связывала их с собственными воинскими частями, армией в целом, государством, а также теми, кто ждал их дома. Однако эмоции, которые надлежало поддерживать или, напротив, подавлять, для разных режимов и социумов оказывались различными. К примеру, если подавление страха было обязанностью и той и другой группы специалистов, то в отношении ярости, гнева и ненависти задачи политработников и капелланов заметно различались: первые должны были всецело поощрять подобные эмоции, а вторым надлежало сдерживать их и даже прививать определенную толику эмпатии к врагу.

Отношение капелланов и политработников к главной задаче армии – уничтожению противника – различалось, по-видимому, наиболее радикально. Солдаты обеих армий были призваны под ружье, чтобы убивать ради своего государства и его граждан. Однако способы обсуждения насилия в армии, практиковавшиеся идеологическими специалистами обоих режимов, серьезно различались. Капелланы в большинстве своем выполняли своего рода «болеутоляющую» функцию, стремясь возратить душевное спокойствие бойцам, столкнувшимся с ужасами войны, политработники же, напротив, всемерно разжигали ненависть к беспощадному и жестокому врагу.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

5 См.: BOURKE J. *Fear and Anxiety: Writing about Emotion in Modern History* // The History Workshop Journal. 2003. № 55. P. 124. Бурк писала в то время, когда история эмоций была на подъеме; именно в тот период Уильям Редди выдвинул теорию «эмоциональных режимов», а Барбара Розенвейн предложила концепцию «эмоциональных сообществ»: REDDY W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; ROSENWEIN B. *Worrying about Emotions in History* // American Historical Review. 2002. № 3. P. 821–845. Среди наиболее свежих обзоров истории эмоций см.: PLAMPER J. *The History of Emotions: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015; BODDICE R. *The History of Emotions*. Manchester: Manchester University Press, 2018.



Соединенные Штаты опасались возвращения привыкших к насилию военнослужащих домой; это заставило их разработать план демобилизации задолго до завершения войны⁶. Отношение к этому вопросу в Советском Союзе было иным, поскольку ненависть и насилие оставались сущностными политическими инструментами большевиков с самого прихода к власти. В ходе гражданской войны, коллективизации и «ежовщины» ненависть к белогвардейцам, кулакам, «вредителям» и «врагам народа» оставалась неотъемлемой частью того, что делало человека полноценным членом советского общества. Соответственно, эмоциональные «скрипты», прописываемые обоими режимами, заметно разнились. Американским военным вменялись хладнокровие и профессионализм: для них насилие выступало необходимым инструментом защиты государства и общества. Это была работа сродни труду полицейских, в которой превознесение насилия табуировалось. В советской же практике насилие обеспечивало эмоциональный катарсис и было прославляемой формой труда на благо коллектива. Причем в обоих случаях его применение расценивалось как социальная необходимость.

Отношение к ненависти у капелланов и политработников кардинально различалось. Институт капелланов официально и недвусмысленно настаивал на ущербности ненависти, считая ее тлетворной силой даже в тех случаях, когда ею оправдывают убийство ярого врага. Между тем для Красной армии ненависть была «священным чувством», а поощрение неистовой злобы в отношении немцев считалось ключевой задачей политработников. Как отмечал Михаил Калинин в 1945 году, эта разница в восприятии отражала, насколько по-разному советские и американские граждане понимали войну:

«Ненависть к фашистским извергам мы считаем священной. Но вот один американский журналист, отзываясь в общем положительно о книге Эренбурга “Война”, заметил, что она теряет свою ценность из-за того, что в ней много ненависти к немцам. Это не случайное мнение. В Америке, как и в Западной Европе, значительный слой людей избегает острых формулировок и не вносит большой страстности в борьбу с фашизмом. Дескать, умеренность более действительна и вообще ненависть чужда благородным человеческим чувствам. Это, конечно, совершенно не соответствует действительности»⁷.

Причина, по которой американцы стремились избегать крайних проявлений ненависти, заключалась, по мнению Калинина,

6 *An Act to Provide Federal Government Aid for the Readjustment in Civilian Life of Returning World War II Veterans*, June 22, 1944. National Archives and Records Administration (NARA). Enrolled Acts and Resolutions of Congress, 1789–1996. General Records of the United States Government. Record Group 11.

7 См.: Калинин М. *О моральном облике нашего народа* // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1945. № 2. С. 32.

в фундаментальном непонимании ими реальности. Но как бы то ни было, американцы действительно считали ненависть разлагающей и опасной силой.

БРЭНДОН ШЕХТЕР
НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

УБИЙСТВО КАК ГРЕХ И КАК ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ

Тот факт, что базовое предназначение армии противоречит одной из десяти заповедей, во время войны не мог ускользнуть от внимания религиозных и политических руководителей. Преодоление этого противоречия составляло значительную часть работы капелланов. В этом плане показательна статья, опубликованная в журнале «The Army and Navy Chaplain» в 1942 году, в которой рассказывалось о набожной матери, отказавшейся поцеловать на прощание уходящего на фронт сына и объяснившей это тем, что ей «было бы лучше и вовсе не рожать мальчика, чем позволить ему идти убивать своих братьев». Вместо того, чтобы высмеять материнское поведение, автор статьи отнесся к нему с пониманием, написав, что «страдание этой женщины столь же реально, как и агония раненного в бою солдата»⁸. Эта статья стала одним из нескольких материалов военно-религиозной прессы, посвященных поискам библейского оправдания убийств, совершение которых ожидалось от американских военнослужащих.



Илл. 1. Капеллан Сидни Левкович проводит богослужение на оборонительной линии. Европейский театр военных действий, около 1945 года. Источник: Wikimedia Commons.

Логика подобных публикаций развивалась в нескольких направлениях. В одних указывалось, что сам Моисей предавал смерти тех, кто осмеливался отступить от заповедей Божиих,

8 BRENGLE S. *Killing in Battle: Is It Murder?* // The Army and Navy Chaplain. 1942. Vol. XII. № 4. P. 16–17.

и отмечалось, что Библия изобилует описаниями сражений⁹. В других, отталкиваясь от древнееврейской лексикографии, предпринимались попытки разграничить понятия «убийство, совершенное в бою» и «злонамеренное убийство»¹⁰. Наконец, в-третьих рекомендовалось следовать повелению Иисуса отдавать «кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мф. 22, 21); в данном случае армейских священников вдохновляла предложенная апостолом Павлом трактовка государства и его служителей как исполнителей воли Господа – авторы руководствовались инструментальной целью превратить солдата, «карающего врага смертью», в «орудие Божье»¹¹. Подобные рассуждения иногда доходили до крайности: получалось, например, что легионеры, распявшие Христа, не несли личной ответственности, потому что исполняли волю государства, – более того, потенциально подобное прощение кто-то мог распространить и на нынешних врагов¹².

Нельзя быть христианином (или иудеем), не защищая своего сообщества¹³. В этой связи капеллан Уайет Уиллард открыто осуждал межвоенный пацифизм:

«[Это] вводящая в заблуждение пропаганда, безосновательно вызывающая к авторитету Святого Писания. [...] Да помилует Господь души тех, кто сейчас остается дома, предпочитая видеть гибель своей страны, нежели встать на защиту своих церквей, своих жилищ, своих свобод»¹⁴.

Для американских капелланов, которые избрали фронтовое служение по собственной воле, казалось очевидным, что наиболее тяжкий грех – *отнюдь не убийство*. Как отмечал в одной из своих военных проповедей капеллан (раввин) Дэвид Макс Айхорн, цена вопроса слишком высока:

«Сейчас, когда мы видим, как фанатик-шовинист рьяно пытается погубить все человечество ради процветания одной только Германии, а религия, справедливость и истина либо порабощаются “третьим рейхом”, либо уничтожаются, [...] каждый должен осознать: если язычники попирают святыне заповеди, то пора идти в бой за Господа... а святыне заповеди ради этого на время можно отложить в сторону»¹⁵.

9 Ibid; см. также: CORPERLING A. *There Is No Such Commandment* // The Link. 1944. № 12. P. 19–20; GLASSER A. *And Some Believed: A Chaplain's Experiences with the Marines in the South Pacific*. Chicago: Moody Press, 1946. P. 148; WICKERSHAM G. *Marine Chaplain, 1943–1946*. Bennington: Merriam Press, 2013. P. 131.

10 LIVELY M. *The Sixth Commandment* // The Army and Navy Chaplain. 1942. Vol. XIII. № 1. P. 34–35.

11 BRENGLE S. *Op. cit.* P. 17.

12 *Killing in Battle – Is It Murder?* // The Link. 1944. № 4. P. 28–31.

13 GRAVES L. *Killing in Battle – Is It Murder?* // The Link. 1943. № 12. P. 34–35.

14 WILLARD W. *The Leathernecks Come Through*. New York: Fleming H. Reveil, 1944. P. 34; см. также: WICKERSHAM G. *Op. cit.* P. 130–132.

15 EICHORN D. *We Must Fight!* // *Sermons and Addresses by Jewish Chaplains in the Armed Forces of the United States*. New York: CANRA JWB, 1944. P. 10–11.

Подобная трактовка не всем казалась достаточно убедительной; скептиков тревожило, что армейская жизнь в целом и смертоубийства в частности могут подорвать нравственное здоровье военнослужащих¹⁶. Как не без иронии замечал один из капелланов-иудеев, солдатам фактически «предоставили освобождение от четвертой, шестой и восьмой заповедей, а иногда этот список дополняет и седьмая заповедь»¹⁷. Другой капеллан (протестант) вспоминал, как в своих проповедях внушал солдатам, будто убийство есть необходимый грех:

«Некоторые тогда говорили, что причинение смерти на войне не является преступлением и, следовательно, не нарушает шестой заповеди. Но я старался объяснить, что и такое убийство остается грехом, а мы призваны совершать его не только смело, но и с сожалением»¹⁸.

В таких трактовках солдаты – исходя из общественного блага – либо освобождались от определенных грехов, либо же сознательно принимали на себя грех лишения другого человека жизни.

Мысль, что любой немецкий солдат, оказывающий сопротивление, должен уничтожаться безо всякого сожаления, стала центральной для пропаганды военного времени и понимания красноармейцами своей миссии.

Убийство врага в Красной армии не вызывало подобных сантиментов, а шестая заповедь не имела силы. Безжалостность в бою считалась необходимым качеством, поскольку нацисты пришли не просто поработить советских людей, но полностью их уничтожить. Как заявил Сталин в своем выступлении 6 ноября 1941 года, «если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получают». При этом он добавил, что цель всего советского народа «будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов»¹⁹. Мысль, что любой немецкий солдат,

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

¹⁶ См., например: BRINK E. *And God Was There*. Philadelphia: Westminster Press, 1944. P. 73–75.

¹⁷ KERTZER M. *With an H on My Dog Tag*. New York: Behrman House, 1947. P. 22. (Четвертая заповедь – «Помни день субботний», шестая – «Не убивай», восьмая – «Не кради», седьмая – «Не прелюбодействуй». – Примеч. ред.)

¹⁸ Rood W., Rood A. *You Okay, Chappy? Memories of Infantry Field Chaplain WWII, and his Wife on the Home Front*. [s.l.]: Xlibris, 2002. P. 93.

¹⁹ Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И.В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года // Правда. 1941. 7 ноября. С. 1.



БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

оказывающий сопротивление, должен уничтожаться безо всякого сожаления, стала центральной для пропаганды военного времени и понимания красноармейцами своей миссии. Как и американские капелланы, политработники Красной армии прилагали огромные усилия, убеждая солдат в необходимости насилия во благо сообщества; тем самым они спланировали красноармейцев со всех уголков СССР:

«И, как бы различны ни были интересы и устремления советских людей, у каждого из нас они сходятся теперь только к одной цели: бить немцев смертным боем, во что бы то ни стало разгромить орды немецко-фашистских захватчиков, поработителей родины!»²⁰

Илл. 2. Батальонный комиссар Владимир Веселов (справа) обучает бойцов. Апрель–май 1942 года. Источник: Wikimedia Commons.



Акты насилия в отношении врага, совершенные красноармейцами, поощрялись и служили предметом гордости; в частях велся «боевой счет», фиксирующий количество уничтоженных немцев, а в некоторых подразделениях даже организовывали социалистическое соревнование по истреблению неприятельских солдат²¹. Одна из ключевых задач политработника заключалась в том, чтобы воодушевлять военнослужащих на постоянное наращивание этого «счета». Иногда дело ограничивалось пропагандистскими усилиями, но бывали случаи, когда политработники лично шли в бой, чтобы поднимать «показатели» собственного подразделения по ликвидации врагов²². Уничтожение захватчиков стало чем-то вроде производствен-

²⁰ Вистин М. *Помни присягу!* М.: Воениздат, 1942. С. 28 (выделение в оригинале).

²¹ См.: SCHUCHTER B. *Stuff of Soldiers: A History of the Red Army in World War II through Objects*. Ithaca: Cornell University Press, 2019. Р. 152–154; ОРТЕНБЕРГ Д. *Сталин, Щербаков, Мехлис и другие*. М.: Кодекс, 1995. С. 77–78.

²² См.: Духин Я. *Дневник политрука* [записи от 20-го и 24 июня 1942 года]. Центр «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге (<https://corpus.prozhito.org/person/4253%20>).

ного ударничества, обязанностью бойца перед народом и государством, служением общему благу, в котором место вагонеток с углем или грузовиков с пшеницей занимали вражеские трупы²³. Комсорг Мансур Абдулин, описывающий себя как человека, «по натуре мягкого и впечатлительного», в своих мемуарах говорит: «Ни хулиганом не был, ни драчуном, а вот на войне я уничтожал и хотел уничтожать фашистов». Как политработник, он побуждал к этому и своих боевых товарищей: «Свою философию “убить хоть одного фашиста!” я, как комсорг батальона, распространял среди всех комсомольцев». Для Абдулина именно таков был тяжелый труд войны, а вероятность погибнуть в любой момент убеждала его в том, что уничтожение врага должно осуществляться неотложно и срочно²⁴.

Как и во многих других вещах, относительно истребления вражеских солдат советские политработники были более прямолинейны и категоричны, чем американские капелланы. Советское общество уже давно привыкло к насилию – как риторическому, так и практическому. Разумеется, это не могло не отражаться на эмоциях, которые испытывали солдаты, уничтожая врага.

НЕНАВИСТЬ КАК ЯД

В апреле 1943 года Уильям Арнольд, глава армейских капелланов, в письме одному из своих коллег высказал мнение о том, как американский Корпус капелланов должен относиться к ненависти. Арнольд, который откликнулся на опубликованную в «The New York Times» статью писателя Рекса Стаута под названием «Или мы научимся ненавидеть, или будем разгромлены», заметил:

«Весь вопрос о ненависти как о человеческой эмоции, нравственном факторе, неизменной составляющей любой человеческой ситуации, а следовательно, и предмете философской мысли и религиозной практики столь же взрывоопасен, как протекший контейнер с нитроглицерином. От него нельзя с легкостью отмахнуться или переложить на кого-то еще»²⁵.

Военно-религиозная пресса в те годы опубликовала множество статей, в которых ненависть изображалась как серьезная опасность. Автор материала «Когда убивают в бою – убийство

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

23 SCHECHTER B. *Op. cit.* P. 149, 154.

24 Абдулин М. 160 страниц из солдатского дневника. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 99.

25 William R. Arnold to Madison Pearson, April 22, 1943. NARA. RG 247. Entry A1 1-A General Correspondence Box 12. Vol. X: Newspaper Publicity and Public Press; см. также: Stout R. *We Shall Hate, or We Shall Fail* // The New York Times. 1943. January 17. P. 6, 26.



ли это?» предупреждал, что солдат, который «таит ненависть в сердце своем», обязательно превратится в «убийцу»; ненависть именовалась здесь «смердным дыханием ада, которое иссушает и губит душу». Именно то, что происходило в конкретном человеческом сердце, обуславливало соблюдение или, напротив, нарушение шестой заповеди в военное время²⁶. В другой статье ненависть описывалась как «моральный яд», «вирусная инфекция» и даже болезнь сродни алкоголизму: «Люди, для которых ненависть ко всем немецким нацистам, будь то мужчины, женщины или дети, превращается в привычку, будут и дальше испытывать нужду в том, чтобы кого-то ненавидеть»²⁷. Если поддаться ненависти, то она, начав самовоспроизводиться, полностью вырвется из-под контроля. Солдатам предлагалось ненавидеть только конкретные поступки или абстрактные идеи – «ложь, жестокость, жадность, безжалостность, предательство, угнетение слабых, духовное или политическое подавление», – но ни в коем случае не людей: «Мы, как христиане, не можем ненавидеть людей, поскольку все люди – наши братья»²⁸. Враг же в упомянутых публикациях представлял обманутой демагогами душой человеческой. Прощая врагов и возвращая их на путь истинный, союзникам рекомендовалось следовать примеру Иисуса: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34)²⁹.

Предписание избегать ненависти имело ряд объяснений, выходящих за рамки иудео-христианской этики армии США. Отчасти оно было обусловлено тем, что американцам не пришлось пережить жестокой оккупации или продолжительных бомбардировок своих городов. Кроме того, они не были свидетелями массовых зверств, совершаемых немцами или японцами вплоть до последних месяцев войны. И, наконец, армия США выступала хорошо обученной и механизированной силой, внутри которой религиозные мотивации комбинировались с иными побудительными факторами: высоким профессионализмом, социальной сплоченностью внутри подразделений, а также убежденностью, что военнослужащие не должны возвращаться домой, не одержав победу. Опросы военнослужащих показывали, что переносить стресс боевой обстановки им больше помогала молитва, а не разжигание ненависти к врагу³⁰. «Разве мастер-

26 BRENGLE S. *Op. cit.* P. 18.

27 BOWIE W. *Hate Is Moral Poison!* // The Link. 1943. № 5. P. 12. Эта статья также была ответом на публикацию Стаута: SPELLMAN F. *No Greater Love: The Story of Our Soldiers*. New York: Charles Scribner's Sons, 1945. P. 2.

28 DEVAN S. *What Shall We Hate?* // The Link. 1943. № 2. P. 8 (курсив автора). Стаут посвятил свою статью критике перечисленных им подобных абстракций.

29 LINTNER R. *Topic Talks: Should We Forgive Our Enemies?* // The Link. 1944. № 2. P. 62.

30 STOUFFER S., SUCHMAN E., DEVINNEY L., STAR S., WILLIAMS R. *Studies in Social Psychology in World War II: The American Soldier*. Princeton: Princeton University Press, 1949. Vol. II («Combat and Its Aftermath»). P. 156–160, 165–185; SPELLMAN F. *Op. cit.* P. 1.

ство и доблесть не сильнее злобы?»³¹ – вопрошал один из поведенников, явно апеллируя к романтической концепции войны, сочетавшей в себе как устаревшую идею доблести, так и необходимое для современной войны мастерство.

Установка на то, чтобы блокировать ненависть, проводилась в жизнь по крайней мере в Европе. В «Отчете о деятельности армейских капелланов на европейском театре военных действий» высоко оценивалась роль армейских священников «как сдерживающей моральной силы», способной гасить «искусственно раздуваемую ненависть к врагу»³². Капеллан, по мнению одного из военнослужащих – «человек, который учит солдата возлюбить врага своего, ибо тот есть вместилище драгоценной для Господа души, и одновременно презирать нетерпимость и политические системы, покушающиеся на нашу свободу»³³. Капеллан Исраэль Йост так вспоминал о проповеди, произнесенной им в июле 1943 года: «Я говорил об Отце Небесном как о примере милосердия: подобно Ему, нам не должно ненавидеть других за то, что они ненавидят нас. Я взывал не только к бойцам, но и к самому себе»³⁴. Призыв не поддаваться ненависти нашел определенный отклик – особенно среди христиан, сражавшихся на европейском континенте, – однако его воздействие было далеко не универсальным.

Не все капелланы одобряли запрет на ненависть, и не все солдаты следовали ему. Например, капеллана (раввина) Морриса Керцера беспокоила неспособность корпуса армейских священнослужителей внятно объяснить солдатам, почему им следует ненавидеть нацистов:

«Продолжая рассуждать о любви к врагам, наше вашингтонское начальство превозносит усилия капелланов, которые проповедают доктрину всеобщей любви. Но, на мой взгляд, нет ничего более аморального, чем убийство, совершаемое без ненависти. Я отвергаю нравственную акробатику, посредством которой стараются доказать, будто презирать нужно не врагов, а лишь идеи и принципы, ибо невозможно отторгнуть друг от друга человека и его убеждения»³⁵.

Согласно наблюдениям других капелланов, по мере того как ярость, вызванная гибелью товарищей, в сердцах бойцов начинала притупляться, последние, избавляясь от нее, сами испытывали облегчение: «она, как любое жаркое пламя, быстро

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

31 LINTNER R. *Op. cit.* P. 62.

32 THE GENERAL BOARD, UNITED STATES FORCES. *Report on the Army Chaplain in the European Theater*. Study № 68. P. 36.

33 NANCE E. (Ed.). *Faith of Our Fighters*. St. Louis: Bethany Press, 1944. P. 168.

34 YOST I. *Combat Chaplain: The Personal Story of the World War II Chaplain of the Japanese American 100th Battalion*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. P. 162.

35 KERTZER M. *Op. cit.* P. 44.



БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

Илл. 3. Капитан Джозеф
Хэммонд причащает бой-
ца на острове Иводзима.
Февраль 1945 года.
Источник: *Wikimedia
Commons*.

гаснет». Иные капелланы вообще утверждали, что злоба в рядах военнослужащих – явление редкое³⁶. Тем не менее опросы выявляют несколько иную картину. Ненависть к врагу оказывалась для американских солдат третьим по значимости мотивом, побуждающим доблестно сражаться – ей предшествовали только молитва и нежелание подвести товарищей. Кроме того, из тех же опросов выяснялось, что «более озлобленные солдаты выказывают большее служебное рвение»³⁷.



В сражениях на Тихом океане ненависть к врагу приобрела более острые формы, поскольку здесь в войне видели экзистенциальную борьбу с чуждой расой, исповедующей чуждую религию³⁸. Как вспоминал морской пехотинец Юджин Следж, лично

36 NANCE E. (Ed.). *Op. cit.* P. 30, 35; см. также: STOUFFER S., SUCHMAN E., DEVINNEY L., STAR S., WILLIAMS R. *Op. cit.* Vol. VII. P. 157–160; ABBOTT H. *The Nazi "88" Made Believers*. Dayton: The Otterbein Press, 1946. P. 121.

37 STOUFFER S., SUCHMAN E., DEVINNEY L., STAR S., WILLIAMS R. *Op. cit.* Vol. VII. P. 165, 167.

38 См.: DOWER J. *War without Mercy: Race & Power in the Pacific War*. New York: Norton, 1986.

у него в пылу боя «ужас сменялся холодной яростью убийцы и мстительным желанием поквитаться»³⁹. Нарратив Следжа, подобно многим другим мемуарам и рассказам участников сражений в тихоокеанской зоне военных действий, как будто бы бросает вызов официальному «скрипту». Ведь в армии США ненависти предписывалось быть обезличенной и абстрактной, а убийство изображалось делом бесстрастных профессионалов.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

УБИВАЯ С СОЖАЛЕНИЕМ

Солдаты армии США являлись высококвалифицированными профессионалами, призванными уничтожить противника хладнокровно, а механизация войны должна была способствовать этой миссии. В своих мемуарах капеллан Эббот отмечал, что «современная война отличается от предыдущих тем, что большая часть смертоубийств совершается с большого расстояния». Артиллеристы, танкисты и летчики, на долю которых приходилась основная масса загубленных жизней, редко своими глазами наблюдали масштабы творимых ими бедствий. Солдатам, по словам Генри Эббота, «хотелось бы, чтобы во всем этом не было необходимости... они получали удовлетворение от осознания того, что, помогая защитить друг друга, ускоряют завершение войны и тем самым спасают человеческие жизни с обеих сторон»⁴⁰. Капеллан Перси Хиккок высказался по этому поводу так:

«Отменная подготовка вселяла в бойцов уверенность в собственном оружии и в способности их подразделений сражаться и побеждать, но она никогда не подпитывала стремления броситься в битву ради самой битвы. Солдаты скорее просто чувствовали, что приводят скверную ситуацию в порядок»⁴¹.

Согласно капеллану Чейсу, артиллеристы, которые «участвовали во множестве сражений, [...] осознают, что ранили и убили многих врагов; по этому поводу они испытывают искреннее сожаление и горячо желают, чтобы им не приходилось делать ничего подобного». «Восторг» или «удовольствие», приходящие со смертью врага, подвергались табу; в то же время солдата побуждали «радоваться тому, что он сохраняет собственную жизнь и жизни своих товарищей». Убийство должно было превратиться в «механическое действие, избавленное от эмоций, а мысли о ненависти и мести изгонялись из головы»⁴². В отличие

39 SLEDGE E. *With the Old Breed at Peleliu and Okinawa*. New York: Oxford University Press, 1990. P. 115.

40 ABBOTT H. *Op. cit.* P. 121.

41 HICKCOX P. *Mine Eyes Have Seen*. Boston: Mosher Press, 1950. P. 62.

42 NANCE E. (Ed.). *Op. cit.* P. 35, 36.



от Красной армии, в войсках США это дело не превозносилось и не прославлялось. Эмоциональный «скрипт» американского солдата предполагал, что сильные мужчины выполняют эту тяжелую и неприятную работу, испытывая удовлетворение не от самого процесса, а от ее конечного результата.

Обычно капеллан утешал солдат, которым приходилось убивать, и благословлял причиняемое ими насилие, но временами ему приходилось вести и внутреннюю борьбу с собой, сопряженную с собственным участием. Один пехотинец пожаловался капеллану Исраэлю Йосту, что моральная тягота убийства для него невыносима. «Но это не ваша проблема, капеллан, – добавил он при этом. – Вам не приходится никого убивать». Йост возразил, что, помогая бойцам пережить насилие и благословляя его, военные священнослужители фактически позволяют им стать «более совершенными убийцами», а значит – опосредованно участвуют в насилии сами:

«Поднимая ваш боевой дух, я принимаю вину и за то, что вы делаете неправильно, поскольку я способствую максимально эффективному выполнению вашей боевой работы. Подумайте о старушке у нас дома, в Штатах, – она собирает пустые консервные банки и тем самым помогает фронту. Разве она не есть часть системы, поддерживающей наши военные усилия? Различие между ней и вами лишь в том, что вы молоды и физически способны сражаться, но при этом и она, и вы стремитесь к одной цели»⁴³.

Убийство оправдывалось тем, что оно предотвращало гораздо большее зло, заключавшееся в победе стран Оси, но его нельзя было славословить. Тем не менее современная тотальная война втягивала в машину насилия даже старушек, объединяя тем самым все общество. Солдаты просто оказывались теми, кого государство и общество уполномочили непосредственно совершать насилие в его крайних формах. (Эта потребность в смягчении и перераспределении вины была чужда советскому социуму, который не видел причин не ликовать по поводу уничтожения фашистов.)

Американцы – как военные, так и гражданские – не раз высказывали беспокойство по поводу того, что люди, охваченные ненавистью, впоследствии не смогут reintegrироваться в общество; об этом многократно говорилось в прессе и мемуарах. Размышляя о влиянии убийства на солдат-фронтовиков, Генри Эббот утверждал: «Нашим людям не нравится убивать в силу их образования, религиозной подготовки и высоких идеалов; да и вообще – ни один здравомыслящий человек не может получать от этого удовольствие»⁴⁴. По его наблюдениям,

⁴³ Yost I. *Op. cit.* P. 265–266.

⁴⁴ Авботт Н. *Op. cit.* P. 120–121, 138–139.

во многих случаях убийство – вместо того, чтобы «разрушить человеческую мораль», – приводило одних военнослужащих к более глубокой интроспекции, а на других и вовсе никак не сказывалось.

БРЭНДОН ШЕХТЕР
НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

Американцы – как военные, так и гражданские – не раз высказывали беспокойство по поводу того, что люди, охваченные ненавистью, впоследствии не смогут реинтегрироваться в общество; об этом многократно говорилось в прессе и мемуарах.

Эббот сравнивал «праведное дело» солдата, убивающего обороняясь, с действиями правоохранителей, которые тоже могут лишиться кого-то жизни «ради защиты общества и граждан»⁴⁵. Это сопоставление получило широкое хождение в религиозной литературе и мемуарах военного времени, оправдывающих насилие. Хиккок рассказывал, как ему удалось убедить пацифиста взяться за оружие, спросив его: «Как вы поступите, если головорез ворвется в ваше жилище, схватит вашего ребенка и, несмотря на тщетные крики вашей жены, потащит его к подвальной лестнице, намереваясь швырнуть вниз?»⁴⁶. В одной из статей, посвященных шестой заповеди, говорилось: «Сегодня служитель закона, вынужденный ликвидировать опасного преступника, не привлекается к ответственности за убийство», поскольку он «пресекает злодеяние, направленное против всего общества»⁴⁷. Хиккок предлагает еще одну, хотя и менее распространенную, но яркую метафору, уподобляющую солдатское насилие работе «хирурга, обнаружившего опухоль, метастазы которой уже начали захватывать жизненно важные органы – в данном случае нашу родину и наших близких». Далее он приводит еще один аргумент в пользу фронтового насилия: «Это единственный надежный и верный путь домой»⁴⁸. Только успешное применение насилия в отношении врага способствует победе и возвращению под родной кров. Капеллан Джесси Йелвингтон писал:

«Войны выигрываются, когда погибает столько вражеских солдат, что противник не может не сдаться. Мы не должны уклоняться

⁴⁵ Ibid. P. 120–122.

⁴⁶ Никсох Р. *Op. cit.* P. 21; см. также: DEAN S. *Op. cit.* P. 9.

⁴⁷ Lively M. *Op. cit.* P. 34–35. Не все, однако, считали такую аргументацию убедительной. Некоторым военнослужащим казалось, что они казнят людей за преступления, которых те не совершали: ведь солдаты, воюющие на стороне противника, тоже, как и они сами, были призваны в строй своим государством (LINDERMAN G. *The World Within War: America's Combat Experience in World War II*. New York: Free Press, 1997. P. 63).

⁴⁸ Никсох Р. *Op. cit.* P. 62.



от несения этого тяжелого креста. Мы убиваем не из ненависти, а с сожалением по поводу того, что отдельные люди и целые нации иногда превращаются в преступников, которых нужно призывать к ответу»⁴⁹.

Такое представление о врагах как о преступниках, в отношении которых необходимо свершить правосудие, означало, что солдаты-фронтовики, подобно полицейским-гражданским, испытывали большее удовлетворение, когда противника удавалось не убить, а взять в плен⁵⁰. Присущий американской армии подход, предполагавший сдерживание ненависти и ориентацию на бесстрастный профессионализм, кардинально отличался от миссии Красной армии, предусматривавшей уничтожение всех захватчиков до единого.

НЕНАВИСТЬ СВЯЩЕННАЯ

В Красной армии чувство ненависти к врагу было гражданским долгом, сформировавшимся еще в довоенный период. Сталин заявлял, что «нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души»⁵¹. Или, как говорилось в одной из агитационных статей, «в арсенале моральных средств борьбы советского народа всегда имелось такое мощное оружие, как священная ненависть к поработителям», культивируемая партией Ленина и Сталина. Разумеется, эта ненависть была «благородной» и «возвышенной»⁵². Особенно в 1942 году, который одновременно стал временем и отчаяния, и разоблачения нацистских зверств, разжигание ненависти интерпретировалось как центральная задача политической работы:

«Когда думаешь о том, что же является самой главной задачей политработников Красной армии, то неизменно приходишь к одной мысли: воспламенить эту ненависть в душе каждого бойца, зажечь его неугасимой яростью к немецким оккупантам, укрепить у него веру в наше оружие, в нашу победу»⁵³.

Политработники, которые сами были свидетелями нацистских жестокостей, опирались к тому же и на обширный набор текстов, где зверства немецких солдат были задокументированы

49 YELVINGTON J. *Bearing Our Cross* // The Army and Navy Chaplain. 1944. Vol. XV. № 1. P. 29–30.

50 LINDERMAN G. *Op. cit.* P. 95, 173; АБВОТТ Р. *Op. cit.* P. 64, 121.

51 Важнейшие вопросы содержания агитационно-пропагандистской работы // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1942. № 9. С. 2.

52 Василенко В. *Священная ненависть к чужеземным угнетателям* // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1942. № 13. С. 15–16.

53 Лестев Д. *Печатная пропаганда на фронте*. Шуя: Типография имени Фрунзе, 1942. С. 1.

ны. Подтверждение варварства, творимого немецко-фашистскими захватчиками, выступало, по-видимому, самой важной частью их работы⁵⁴. В пропагандистской брошюре 1944 года, адресованной агитаторам, разъяснялось:

«В сердцах воинов Красной армии кипит неутолимая ненависть к врагу и жажда мщения. Бойцы видят сожженные дотла родные деревни. Видят трупы советских людей, умерщвленных врагом. Долг агитатора разжигать пламя священной ненависти к врагу в сердцах бойцов»⁵⁵.

Фашисты давали советским людям бесконечные поводы, чтобы ненавидеть и мстить, и эти чувства следовало усиливать. Считалось, что любовь к родине и семье может быть должным образом выражена лишь через ненависть к врагу и готовность его уничтожить. Борис Комский – фронтовой парторг – записал в своем дневнике 24 февраля 1944 года:

«Двадцать лет, черт возьми! Пора самой горячей любви. Для нас война сделала этот возраст порой самой горячей ненависти. Но, возможно, эти ненависти и мучения сделают более дорогой и ценной будущей любовь»⁵⁶.

Комский, еще слишком молодой, чтобы иметь семью, представляет себе то (благодарное) воздействие, какое ненависть в будущем сможет оказать на его грядущую любовь. Он делает это, опираясь на пропагандистские тексты того времени, призывавшие солдат использовать любовь для разжигания ненависти. «Выверни наизнанку свою любовь», – призывал один из таких текстов⁵⁷. В обоих случаях к интимным чувствам применяется материалистическая диалектика. Параллели между любовью к семье и ненавистью к врагу было обычным делом в брошюрах военного времени:

«Воспитывая фанатическую ненависть к врагу, нужно уметь обращаться к чувству советского воина как отца, семьянина, напоминать ему о самобытной прелесть каждого уголка нашей великой Родины, о счастливой жизни, нарушенной гитлеровскими бандитами»⁵⁸.

Политработник Соломон Канцедикас явно принял этот посыл близко к сердцу, написав своей жене Шеве и сыну Александру в июле 1942 года:

«Для того, чтобы к милой Шеве пройти, нужно истребить немца автоматом ли, ПТР ли, все равно! Для того, чтобы любить, нужно

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

⁵⁴ См., например: Хирков С. *Из опыта работы ротной парторганизации*. Л.: Воениздат, 1943. С. 32–33.

⁵⁵ *Агитатор полка*. Л.: Воениздат, 1944. С. 36.

⁵⁶ *Boris Komsky Wartime Diary. Blavatnik Archive. UKR058.008* (www.blavatnikarchive.org/item/13357?page=1).

⁵⁷ *В записную книжку агитатора* // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1942. № 13. С. 48.

⁵⁸ См.: Фомиченко И. *О ненависти к врагу* // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1943. № 2. С. 20.



БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

ненавидеть – такова логика вещей! Будь уверена – я умею ненавидеть так же, как и любить – всеми силами своей души»⁵⁹.

О взаимосвязи между любовью к тем, кто остался дома, и ненавистью к врагу размышлял и анонимный комсомолец из НКВД, ставший позже комсоргом: «Тоска хватает за сердце: омрачена наша дружба – разлукой. Есть еще живые фрицы. Пока они живы, нет для нас жизни»⁶⁰. Только после того, как мир удастся избавить от фашизма, любовь и счастье смогут восторжествовать; таким образом, с каждым убитым врагом родной дом и родные люди будут становиться все ближе.

Ненависть поддерживалась убийством врагов, и именно это уничтожение делало солдата-красноармейца полноценным членом общества. Политработники не только поощряли ненависть, но и побуждали подопечных демонстрировать свою любовь к отечеству, всеми силами и средствами истребляя противника. Чем больше убитых фашистов, тем крепче любовь к родине. Многие политработники были обязаны своим выдвижением на должность тому, что показали себя образцовыми солдатами: Мансур Абдулин, например, стал комсоргом своего полка, поскольку первым в подразделении убил немца⁶¹. Здесь отсутствовали как опасения относительно того, что из-за убийств, совершаемых на фронте, люди превратятся в монстров, так и желание утешать бойцов, бьющих противника, ибо ликвидация последнего считалось праведным делом.

Илл. 4. Комиссар Дмитрий Золкин зачитывает благодарность командования за отличную стрельбу артиллеристам эсминца «Фрунзе». Август 1941 года. Источник: Wikimedia Commons.



Предполагалось, что ненависть, как ни парадоксально это звучит, будет способствовать повышению профессионализма

⁵⁹ Kantsedikas Family Letters. Blavatnik Archive. MISC095.040 (www.blavatnikarchive.org/item/6720).

⁶⁰ Из дневника Ч***ва, 1940–1944 гг. // Ab Imperio. 2022. № 4. С. 234.

⁶¹ Абдулин М. Указ. соч. С. 4, 11–13.

и подогреет солдатский энтузиазм на поле боя. В армии, где многие военнослужащие имели лишь минимальную подготовку и учились уже на практике, ненависть служила стимулом, вдохновлявшим солдат на овладение боевой наукой. В агитационных материалах пояснялось:

«Иногда бывает, что агитатор говорит о ненависти к врагу, о любви к своему оружию, об овладении военными знаниями, а оружие у бойцов грязное, им владеют плохо, задач своих, обязанностей, определенных Боевым уставом пехоты, бойцы не знают. Какая же это ненависть к врагу?»⁶²

Все – от идеально начищенных сапог до хорошо смазанного оружия и тщательно оборудованных окопов – могло свидетельствовать о том, насколько истово и праведно солдат ненавидит врага.

В дополнение к ненависти, вдохновлявшей на оттачивание боевых навыков, эмоциональный «скрипт» сражения требовал от красноармейца, чтобы его воинское мастерство достигало пика в моменты, когда, согласно рефрену патриотического гимна военного времени, «ярость благородная / вскипает, как волна»⁶³. 8 июля 1944 года Соломон Канцедикас, описав в письме супруге смерть и разрушения, оставленные немцами, подытоживал:

«С таким удовлетворением смотришь на немецкие трупы, валяющиеся на нашем пути. Все до одного ответят эти мерзавцы за звериные свои дела. Поэтому мы, как лучшую музыку, встречаем залпы нашей артиллерии, катюш. Наши солдаты и офицеры горят чувством ненависти, мстят за погибших товарищей, за все»⁶⁴.

Мысль, что враг потерял человеческое лицо, в военные годы превратилась в главную составляющую советской пропаганды, поскольку гитлеровцы совершали абсолютно ужасные деяния, выходившие далеко за рамки демонологии воображаемых врагов 1930-х. Фашисты были врагами, преступления которых лишали их принадлежности к роду человеческому. Советское государство и его граждане, наконец-то, нашли врага, на которого вполне заслуженно можно было обрушить их солидарную ненависть.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

62 Шикин И. *Великая Отечественная война и задачи массовой политической агитации в Красной армии // Партийно-политическая работа в Красной армии. Вып. 3. М.: Воениздат, 1943. С. 127.*

63 SCHECHTER B. *Op. cit.* P. 154–155.

64 *Kantsedikas Family Letters*. Blavatnik Archive. MISC095.KANT.346 (www.blavatnikarchive.org/item/8136).



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Капелланы могли поощрять среди солдат ненависть только к абстрактному злу, в то время как политработники взаимодействовали с населением, которое видело работу немыслимого зла своими глазами – и потому требовали ненависти к людям, совершающим подобные преступления. Обращаясь к руководителям Союза писателей СССР в 1943 году, Илья Эренбург – которого американцы упрекали в избыточной кровавости, – заявлял:

«У нас часто говорят, что нужно научить наш народ ненависти. Мне кажется, что научить ненависти невозможно, как невозможно научить любви. Ненависть родилась в нашем народе. Учили ненависти пепелища Истры, виселицы Волоколамска»⁶⁵.

И если для советских политработников центральной задачей было поддержание в сердцах военнослужащих этой «благородной ненависти», то для американских капелланов важно было утешать и успокаивать бойцов, шокированных тем, что они видели и делали. Столкновение США с невообразимым злом состоялось лишь в конце войны, а американским солдатам довелось наблюдать разорение лишь вражеских и союзнических, но не собственных городов⁶⁶. Армии США и СССР сражались с одним и тем же противником, но вели борьбу с совершенно разными ставками и мобилизовали совершенно разные общества; соответственно, эмоциональные «скрипты», которым следовали их солдаты и офицеры, не могли не отражать этого факта.

Авторизованный перевод с английского Софии Веретенниковой

65 Стенограмма творческого совещания Правления Союза советских писателей на тему «Сатира и юмор в дни Отечественной войны», 8 июля 1943 года. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 15. Д. 626. Л. 41. С этим документом меня любезно ознакомил Чарльз Шоу.

66 Военнослужащие США редко выражали недовольство по поводу массированных бомбардировок вражеских городов и других гражданских объектов, которые были центральным элементом военной стратегии США и Великобритании. См.: РЕНЛЕР К. *Op. cit.* P. 117–122.